K27 8/43

ПОГАШЕНО

ЕСТЬ РОДИНЫ ДОРОЖЕ ЖИЗНИ.

Герои Чемульпо.

К 27 8/43

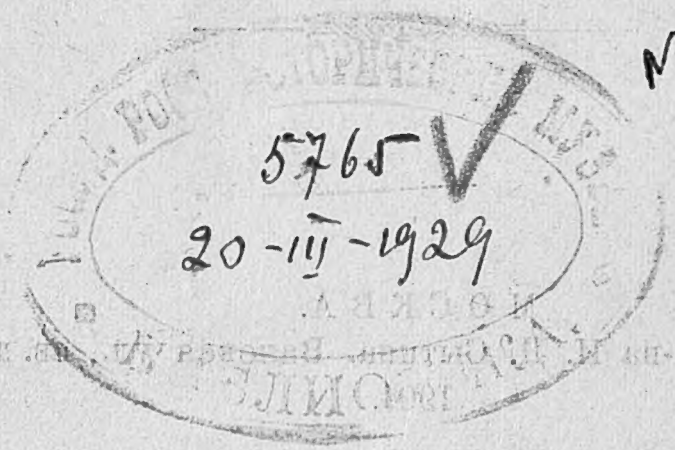
РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА.

Честь родины дороже жизни.

Герои Чемульпо.

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Валовая ул., св. домъ.
1904.

Дозволено цензурою. Москва, 21 апрѣля 1904 года.



Война, по понятіямъ людей культурныхъ,— рѣшеніе международнаго спора съ оружіемъ въ рукахъ; это—дуэль между двумя государствами. И какъ въ дуэли на первомъ мѣстѣ стоитъ математически точное выполненіе всѣхъ правилъ ея, чтобы она не превратилась въ преступное убійство, такъ и въ дѣлѣ объявленія и веденія войны считается безусловно необходимымъ и обязательнымъ соблюденіе правилъ войны и справедливости. Кичащіеся своей культурностью, японцы, начиная съ нами войну, смотрѣли на это иначе; они чисто поіезуитски рѣшили, что „цѣль оправдываетъ средства". И въ то время, какъ Россія все еще не теряла надежды на мирное улаженіе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ, они уже начали свои враждебныя дѣйствія противъ Россіи.

Въ корейскомъ портѣ Чемульпо передъ началомъ военныхъ дѣйствій находились стаціонеры, русскіе крейсеръ „Варягъ", канонерская лодка „Кореецъ", англійскій крейсеръ „Тальботъ", французскій—„Паскаль", италіанскій—„Эльба", американскій—„Виксбургъ" и

японскій „Чіодо“. Заходили по временамъ также и японскія суда; поведеніе ихъ задолго до начала военныхъ дѣйствій было крайне подозрительнымъ, хотя командиръ „Чіодо“ и продолжалъ держаться въ отношеніи русскихъ по-товарищески и часто бывалъ на нашихъ судахъ въ качествѣ гостя. Съ половины января японцы, несмотря на присутствіе въ портѣ, кромѣ русскихъ, четырехъ иностранныхъ крейсеровъ, хозяйничали въ немъ вполнѣ какъ дома. Положеніе „Варяга“ и „Корейца“ съ каждымъ часомъ становилось все болѣе критическимъ. Русскія телеграммы нашему посланнику въ Сеулѣ и отъ него перехватывались японцами, и ни онъ ни наши суда въ Чемульпо ничего не знали о положеніи переговоровъ между Россіей и Японіей. Въ виду этого, а также и того, что японская эскадра крейсировала въ открытомъ морѣ близъ Чемульпо, нашъ посланникъ при корейскомъ дворѣ Павловъ 26 января распорядился послать лодку „Кореецъ“ въ Портъ-Артуръ къ намѣстнику Алексѣеву съ донесеніями и для полученія необходимыхъ указаній.

Получивъ это порученіе, „Кореецъ“ въ тотъ же день, около 3 час., снялся съ якоря и направился къ выходу въ море. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и трехъ миль, нахо-

дясь еще въ корейскихъ водахъ, какъ встрѣтилъ японскую эскадру. Ее велъ „Чіодо“, украдкою ушедшій съ рейда ночью на 26 января. „Кореецъ“ направился между японскими крейсерами и миноносцами, приблизительно въ стасаженномъ разстояніи отъ тѣхъ и другихъ, и лишь только онъ поровнялся съ первымъ изъ крейсеровъ, какъ японская эскадра навела на него всѣ свои орудія, а броненосецъ загородилъ ему дорогу. „Кореецъ“ попытался было обойти броненосецъ, отдавъ, по обычаю, честь японскому флагу, но его тотчасъ же окружили четыре крейсера, а съ одного изъ миноносцевъ въ него была пущена мина. Мина прошла позади лодки. Затѣмъ другая—и также неудачно. „Кореецъ“ молчалъ; его орудія были въ чехлахъ. Положеніе было критическое. Взоры всего экипажа были устремлены на командира, капитана Бѣляева. Вдругъ раздается команда спѣшить къ носу и кормѣ, такъ какъ третья японская мина неслась прямо на машинное отдѣленіе „Корейца“... Ничто уже, казалось, не могло спасти его отъ этой мины! Вотъ она уже въ трехъ метрахъ отъ него... И, о, чудо! въ этотъ самый моментъ мина показываетъ свой винтъ—кувыркается и исчезаетъ... „Кореецъ“ остается живъ. Но вотъ еще японскій миноносецъ, ближайшій къ „Ко-

рейцу", готовится пустить въ него четвертую мину и лишь ждетъ удобнаго момента. Въ свою очередь, „Кореецъ" рѣшаетъ его таранить, т.-е. врѣзаться въ него носомъ. Миноносецъ догадывается о его намѣреніи, бросаетъ свои приготовленія и отходитъ къ сторонѣ. „Кореецъ" повертывается обратно и возвращается на рейдъ, гдѣ и становится рядомъ съ „Варягомъ".

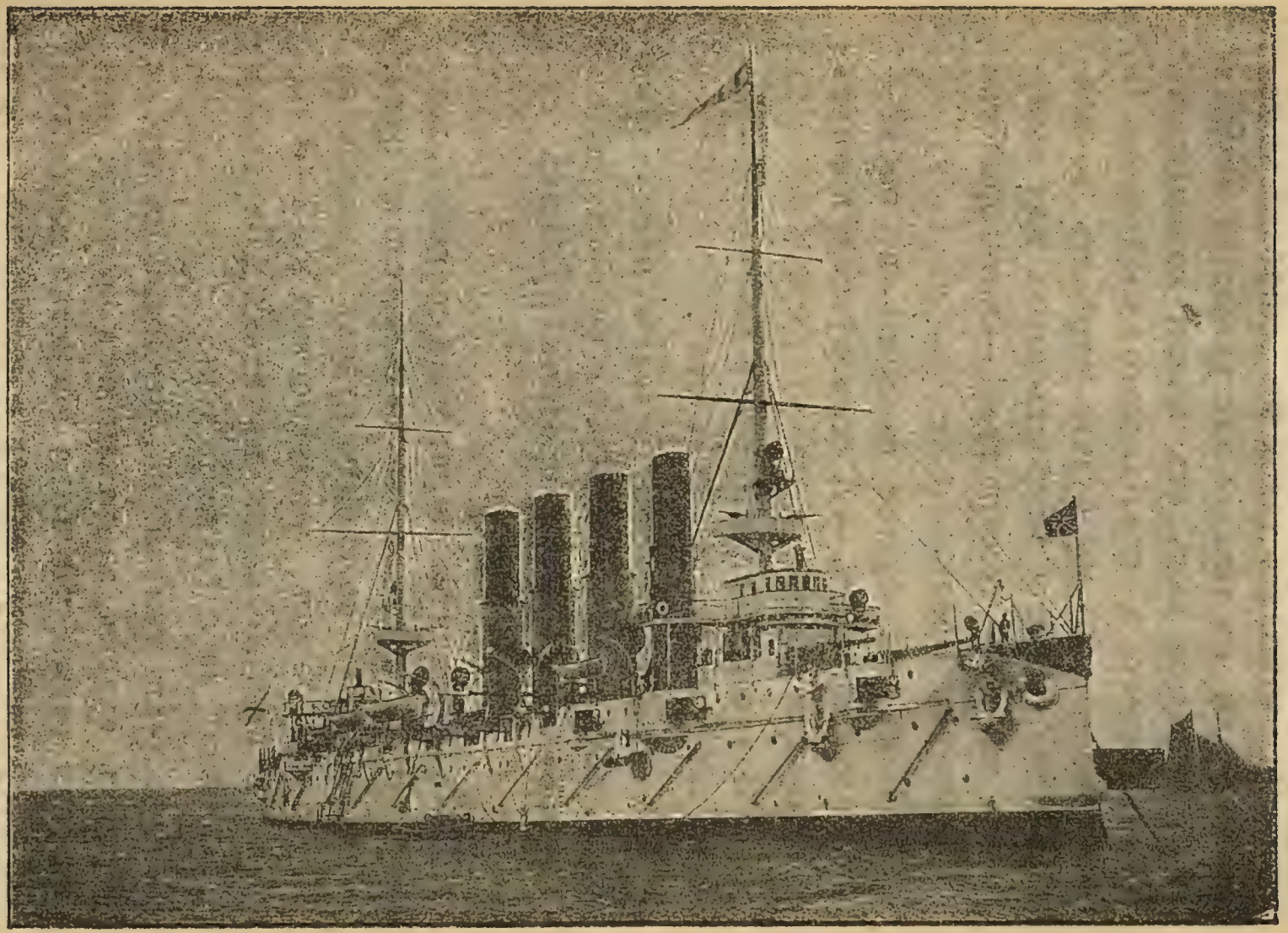
Узнавъ въ чемъ дѣло, командиръ „Варяга" отправляется на „Тальботъ". Туда же пригласили командировъ „Паскаля" и „Эльбы". Переговоривъ съ ними, командиръ „Тальбота", капитанъ Бейли, отправился къ командиру японской эскадры, слѣдомъ за „Корейцемъ" также вошедшей въ портъ.

— По какому праву японцы атаковали русское судно до объявленія войны, въ нейтральномъ портѣ? — спросилъ капитанъ Бейли японскаго командира.

Тотъ отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ, что это, можетъ-быть, ошибка, недоразумѣніе.

„Ошибка... недоразумѣніе"... Какова низость! Удайся атака „Корейца", японцы стали бы увѣрять, что они тутъ ни при чемъ и „Кореецъ"-де взорвался по собственной винѣ.

Увернуться, однакожъ, хитрому японцу не удалось.



«Варягъ», крейсеръ I ранга.

— Во избѣжаніе такой же „ошибки“ въ самой гавани въ теченіе наступающей ночи, я предупреждаю васъ отъ имени командировъ французскаго и италіанскаго крейсеровъ и отъ своего, что мы будемъ стрѣлять во всякое судно, которое откроетъ огонь или выпуститъ мину въ русскія суда! — категорически заявилъ ему Бейли.

— Какъ, вы будете стрѣлять въ насъ? — изумился японецъ. — А если русскіе начнутъ стрѣлять первыми?

— Я утверждаю, что этого не будетъ,—заключилъ командиръ „Тальбота“.

Командиръ японской эскадры принужденъ былъ дать слово, что ничего не предприметъ въ продолженіе ночи противъ русскихъ судовъ.

Ночь, дѣйствительно, прошла спокойно, хотя японцы не спали и не сидѣли, сложа руки. Они высадили со своихъ судовъ десантъ на корейскій берегъ, численностью въ 2—3 тысячи, и приготовились къ атакѣ „Варяга“ и „Корейца“ на слѣдующій день.

Ночь была темная, но, несмотря на это, съ нашихъ судовъ замѣтили ихъ высадку; разглядѣли также, что одна японская миноноска во второмъ часу снялась и вышла въ море;

въ шестомъ часу она вернулась. Ясно, что она ходила за инструкціями къ командиру эскадры, стоявшей въ открытомъ морѣ.

Тотчасъ по ея возвращеніи японскія суда, стоявшія на рейдѣ, снялись, вышли изъ порта и спрятались за островомъ Іодольми.

Въ 8 часу утра къ капитану Рудневу явился командиръ крейсера „Паскаль“ и сообщилъ, что онъ и командиры прочихъ стаціонеровъ получили отъ японскаго адмирала Уріу письмо, которое онъ тутъ же и показалъ Рудневу. Въ письмѣ значилось:

„Милостивый государь, имѣю честь вамъ сообщить, что, вслѣдствіе начала военныхъ дѣйствій между имперіями японской и русской, я намѣренъ остановить русскія военныя суда, находящіяся въ настоящее время въ гавани Чемульпо. Въ случаѣ отказа старшаго морского офицера въ Чемульпо (командиръ „Тальбота“) покинуть портъ до двѣнадцати часовъ 9 февраля (н. ст.) я почтительнѣйше прошу васъ уйти съ театра военныхъ дѣйствій въ гавань съ такимъ расчетомъ, чтобы суда, находящіяся подъ вашимъ начальствомъ, не подверглись никакой опасности. Нападеніе произойдетъ не ранѣе 4 часовъ пополудни 9 февраля. Если въ портѣ находятся транспорты или коммерческія суда подъ французскимъ

флагомъ, я васъ прошу сообщить имъ содержаніе этого письма.

„Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугой.

„Адмиралъ, командующій японской эскадрой, Уріу".

Вслѣдъ за тѣмъ командиры „Паскаля", „Эльбы" и „Тальбота" собрались на англійскомъ крейсерѣ для совѣщанія. Рѣшеніе свое они внесли въ протоколъ, а адмиралу Уріу послали протестъ. Содержаніе этихъ актовъ было таково:

Протоколъ совѣщанія.

1) Въ виду того, что Корея объявила себя нейтральной, мы считаемъ предполагаемую атаку несогласной съ законами международнаго права и рѣшили послать японскому адмиралу новый протестъ, который ему будетъ врученъ англійскимъ офицеромъ.

2) Въ случаѣ, если русскія суда рѣшатъ не выходить изъ порта, мы въ четыре часа снимемся съ якоря и пойдемъ на сѣверъ, чтобы избѣжать возможныхъ поврежденій.

3) Командиръ „Варяга" заявилъ, что выйдетъ изъ порта до двѣнадцати часовъ, хотя не получилъ еще никакихъ извѣщеній отъ японскаго адмирала.

Протестъ, врученный адмиралу Уріу.

„Сего 9 февраля, въ порту у Чемульпо, мы, нижеподписавшіеся, командиры трехъ нейтральныхъ военныхъ судовъ: англійскаго, французскаго и италіанскаго, извѣщаемъ васъ о полученіи вашего письма отъ 8 с. м. и заявляемъ, что ваше намѣреніе противорѣчитъ всѣмъ нормамъ международнаго права, касающимся нейтральныхъ портовъ, и напоминаемъ вамъ, что эти нормы устанавливаютъ отвѣтственность за всякое дѣйствіе, отъ котораго пострадаетъ жизнь или имущество лицъ, находящихся въ данномъ портѣ.

„Мы энергично протестуемъ противъ такого нарушенія нейтралитета и были бы счастливы узнать ваше рѣшеніе по данному вопросу“.

Подписи.

Въ 10 ч. утра, еще находясь на „Тальботѣ“, капитанъ Рудневъ также получилъ письмо отъ адмирала Уріу. Это письмо посланный не осмѣлился доставить непосредственно Рудневу, а передалъ консулу, благодаря чему оно и запоздало. Оно было недлинно и оканчивалось словами: „Если вы не выйдете до полудня, я вступлю съ вами въ бой въ портѣ“.

Капитанъ Рудневъ показалъ полученное отъ Уріу письмо командирамъ стаціонеровъ, добавивъ:

— Хорошо, я выйду до полудня.

Затѣмъ онъ вернулся на „Варягъ“, гдѣ его ожидали уже съ понятнымъ нетерпѣніемъ офицеры, которымъ онъ сообщилъ въ чемъ дѣло.

— Мы нервно пожали другъ другу руки,— разсказываетъ одинъ изъ участниковъ чемульпскаго боя,—и поклялись драться до послѣдней капли крови, а въ случаѣ безнадежности боя взорваться на воздухъ.

Вызвали команду наверхъ, и капитанъ Руднев обратился къ нимъ съ краткой, но горячей рѣчью.

— Мы должны выйти съ честью изъ этого дѣла!—сказалъ онъ имъ.

Громкое, восторженное „ура“ было отвѣтомъ на эти его слова. Съ „Корейца“ отозвались тѣмъ же.

— Мы должны или прорваться сквозь непріятельскую эскадру, или умереть; сдачи не будетъ! — продолжалъ храбрый командиръ „Варяга“.

И всѣхъ охватилъ неподдающійся описанію энтузіазмъ, точно имъ объявили о великой радости. Всѣ обнимаются, цѣлуются, бросаютъ шапки вверхъ. Музыканты, не ожидая даже приказанія, спѣшатъ къ своимъ инструментамъ, и черезъ секунду торжественный гимнъ оглашаетъ воздухъ. На „Ко-

В. Ѳ. Рудневъ, командиръ крейсера «Варягъ», раненый во время боя.

рейцѣ", гдѣ не было оркестра, гимнъ подхватываютъ хоромъ. Свидѣтели этого, не имѣющаго примѣровъ, зрѣлища, экипажи прочихъ европейскихъ судовъ обнажаютъ головы и въ глубокомъ молчаніи вслушиваются въ звуки русскаго гимна.

Изъ писемъ и сообщеній бывшихъ на этихъ судахъ моряковъ извѣстно, что ими въ эти минуты овладѣло такое волненіе, что многіе изъ матросовъ даже плакали. Команда французскаго крейсера „Паскаль" тутъ же обратилась къ своему командиру и, какъ одинъ человѣкъ, просилась пойти на помощь къ своимъ товарищамъ, русскимъ. Команды остальныхъ судовъ были также сильно возмущены вызовомъ японской эскадры; но вмѣшательство ихъ было невозможно.

Съ тѣмъ же воодушевленіемъ принялись экипажи „Варяга" и „Корейца" за приготовленіе къ бою. Полетѣли въ воду ящики, столы, скамьи, и все, что могло способствовать распространенію пожара. На „Корейцѣ" срубили мачты.

Приготовленіе, „уборка" судовъ окончены. Среди глубокаго молчанія отчаливаютъ оба судна и идутъ туда, гдѣ вражескій флотъ ждетъ свою добычу, идутъ на вѣрную смерть...

Съ „Паскаля" и „Тальбота" имъ шлютъ

прощальный привѣтъ, на „Эльбѣ“ раздаются звуки русскаго національнаго гимна, со всѣхъ судовъ гремитъ долго несмолкающее „ура“ въ честь героевъ. На нашихъ судахъ также исполняется гимнъ. Свидѣтель-очевидецъ, находившійся на „Эльбѣ“, въ письмѣ своемъ, помѣщенномъ въ неаполитанской газетѣ „Mattino“, говоритъ, что ему никогда не приходилось видѣть подобной возвышенной и трогательной картины. Воздухъ былъ чистъ, море спокойное. „Варягъ“ шелъ впереди и казался колоссомъ, рѣшившимся на самоубійство. На мостикѣ „Варяга“ неподвижно и спокойно стоялъ его красавецъ-командиръ. Поровнявшись съ „Эльбою“, „Варягъ“, блестя и ярко сверкая на солнцѣ сталью и мѣдью, пріостановился и пропустилъ впередъ „Корейца“.

Дѣло еще только будетъ, а ихъ, „Варяга“ и „Корейца“, уже привѣтствуютъ точно побѣдителей. Да и какъ не привѣтствовать людей, смѣло, весело, подъ звуки родного, національнаго гимна, идущихъ на неизбѣжную гибель, храбрецовъ, крейсеръ и канонерку, съ 14-ю орудіями и 690 человѣками экипажа, отважно вступающихъ въ бой съ 6-ю крейсерами и 8-ю миноносцами, на которыхъ почти 2,5 тысячи экипажа и 42 орудія!

Но вотъ они уже вышли изъ канала порта, уже звуки гимна, приносимые вѣтромъ, доносятся въ портъ только изрѣдка, едва слышные. Японскій адмиральскій корабль поднимаетъ сигналъ о сдачѣ. Въ отвѣтъ на него на обоихъ русскихъ судахъ моментально взвились русскіе флаги. Весело развѣвались они, играя на солнцѣ, съ чувствомъ гордости и презрѣнія къ врагу. Это былъ знакъ сраженія. Началась канонада. Семь громадныхъ японскихъ гигантовъ, точно собачья свора, кинулись на русскихъ храбрецовъ. Они, не отвѣчая, подошли къ крайней линіи нападающаго непріятеля. Первый вражескій снарядъ упалъ приблизительно въ 200 метрахъ отъ „Варяга“. Слѣдомъ за нимъ посыпался цѣлый градъ снарядовъ различныхъ калибровъ. Цѣлый часъ продолжался страшный и безусловно губительный перекрестный огонь. Красавецъ „Варягъ“ то и дѣло исчезалъ въ облакахъ дыма, и все время яростно отвѣчалъ на нападенія; орудійное пламя поминутно сверкало съ его бортовъ. Адскій грохотъ канонады повторяло эхо окружающихъ заливъ горъ и холмовъ. Море вокругъ „Варяга“ бурлило и какъ будто кипѣло. Какъ крейсеръ, „Варягъ“ являлъ собою и болѣе выгодную для японцевъ мишень и болѣе видную, почему непріятельскіе

выстрѣлы и предназначались по преимуществу для него. „Кореецъ“ же, лишенный мачтъ и окрашенный въ сѣрый цвѣтъ, менѣе былъ виденъ, и потому онъ во время канонады пострадалъ сравнительно мало. Съ другой стороны, не имѣя дальнобойныхъ орудій, онъ и непріятелю не могъ нанести большого вреда.

Японцами въ продолженіе этой канонады было выпущено до 4000 снарядовъ! Ихъ суда съ „Варяга“ все время казались сплошной огненной стѣной. На самомъ „Варягѣ“ въ нѣсколько минутъ вспыхиваетъ одинъ за другимъ три пожара. Ихъ тушатъ, не переставая отвѣчать непріятелю. Непріятельскій снарядъ попадаетъ въ угольныя ямы; вспыхиваетъ четвертый пожаръ; его также успѣваютъ потушить и все продолжаютъ посылать врагу снарядъ за снарядомъ. Палуба „Варяга“ покрывается трупами, десятками раненыхъ, сплошь залита кровью. Графъ Народъ, опредѣлявшій разстоянія, погибъ,—отъ него осталась на палубѣ одна рука; бывшій при немъ писарь Оскинъ исчезъ безъ всякаго слѣда. Падаютъ мертвыми одинъ за другимъ артиллеристы, и мичманъ Балкъ при цѣлыхъ трехъ орудіяхъ одинъ замѣняетъ всю прислугу. За грохотомъ канонады въ теченіе нѣ-

Бой при Чульпо.

сколькихъ минутъ матросы на нижней палубѣ не слышатъ голоса командира, и между ними распространяется слухъ, что непріятельскимъ снарядомъ снесло капитанскую рубку, и самъ Рудневъ погибъ. Чтобы успокоить команду, неустрашимый командиръ, среди града лопающихся гранатъ, бѣжитъ къ нимъ и ободряющимъ голосомъ кричитъ:

— Я живъ, живъ, братцы! Цѣльтесь вѣрнѣй... У насъ всего трое убитыхъ и пятеро раненыхъ...

Но вотъ у „Варяга“ разбитъ руль; уничтожены защиты при орудіяхъ; онъ получилъ пробоину. Вода льется чрезъ нее... Матросы, въ большинствѣ уже израненные, хватаются за помпы, и при помощи невѣроятныхъ усилій имъ удается удержать воду на нѣсколько сантиметровъ ниже огня, иначе взрывъ неизбѣженъ. За отсутствіемъ руля, судно перестаетъ слушаться своего командира и вертится, какъ волчокъ, на одномъ мѣстѣ. Снова пожаръ, пятый, за нимъ шестой. Загорается складъ муки.

Послѣдній не поддается никакимъ усиліямъ: мука горитъ. Дальнѣйшая борьба становилась невозможною. „Варягъ“, а за нимъ и „Кореецъ“ поворачиваютъ и возвращаются въ портъ въ надеждѣ, что имъ удастся, по-

тушивъ пожаръ, наложить пластырь на пробоину, чтобы снова итти въ бой.

Тотчасъ по ихъ приближеніи, съ „Эльбы“, „Паскаля“, „Тальбота“ и „Виксбурга“ были спущены шлюпки съ врачами и санитарами, чтобы принять раненыхъ.

Офицеры „Варяга“ составили военный совѣтъ, на которомъ съ несомнѣнной очевидностью выяснилось, что продолжать бой невозможно.

— Что вы намѣрены дѣлать? — спросилъ капитана Руднева командиръ „Тальбота“.

— Взорвать „Варяга“... — отвѣтилъ Рудневъ.

— Не согласитесь ли вы лучше затопить его? — спросилъ капитанъ Белли. Онъ опасался поврежденій на судахъ отъ взрыва „Варяга“.

Рудневъ согласился. Капитанъ Бѣляевъ рѣшилъ взорвать „Корейца“. Послѣдній, когда команда была снята, отошелъ на нѣкоторое разстояніе отъ стаціонеровъ, чтобы во время взрыва не причинить имъ вреда. Порученіе зажечь фитиль выпало на долю лейтенанта Левицкаго, мичмана Бутлерова и механика Франкъ. На „Корейцѣ“ было до 1000 пудовъ пороха. Разсказываютъ, что Левицкій, проходя мимо своей каюты, захватилъ изъ нея фото-

графическую карточку своей дочери и затѣмъ уже пошелъ зажигать фитиль. Взорвавшійся „Кореецъ“ распался на три части; съ него въ моментъ взрыва поднялся и перелетѣлъ черезъ „Виксбургъ“ желѣзный мостикъ съ боевымъ фонаремъ.

Печальную картину представлялъ собою „Варягъ“ по возвращеніи на рейдъ, и только одинъ флагъ на его мачтѣ съ гордостью свидѣтельствовалъ, что онъ разбитъ, но не побѣжденъ.

Тяжело было экипажу его разставаться со своимъ „орломъ“, какъ называли „Варяга“ матросы, но еще тяжелѣе было сознаніе, что онъ можетъ быть захваченъ японцами. Но... приходилось покидать его. Многіе матросы плакали, сходя на чужія шлюпки; другіе брали съ него что-либо на память. Послѣднимъ сошелъ съ него командиръ Рудневъ, открывъ напередъ кингстоны.

Медленно умиралъ герой-„орелъ“, оставляя по себѣ вѣчную память.

Иностранцы салютовали, посылали послѣдній привѣтъ погибающему судну.

Экипажи съ обоихъ нашихъ судовъ были приняты на англійскій, французскій и италіанскій крейсеры. При чемъ возникъ вопросъ относительно оружія. Рѣшено было, что команды бу-

дуть приняты на эти суда только безъ оружія, какъ потерпѣвшіе крушеніе. И когда экипажи „Варяга“ и „Корейца“ находились уже на „Паскалѣ“, „Эльбѣ“ и „Тальботѣ“, японцы обратились къ командирамъ этихъ судовъ съ требованіемъ о выдачѣ имъ русскихъ какъ военно-плѣнныхъ, но тѣ имъ категорически отказали.

— У меня есть на суднѣ пассажиры, но отчета въ нихъ я вамъ не обязанъ давать!— возразилъ на ихъ требованіе командиръ „Тальбота“.

Японцы дальше на настаивали.

Дорого обошлась и японцамъ эта геройская гибель „Варяга“ и „Корейца“. Несмотря на упорное замалчиваніе японцами своихъ потерь, теперь считаютъ за достовѣрное, что ихъ крейсеръ „Такачихо“ и одинъ миноносецъ были разбиты и затонули, а крейсеры „Нанива“ и „Азама“ сильно повреждены и надолго выведены изъ строя. Мало того, „Варягъ“, какъ передаютъ очевидцы, и послѣ смерти своей мстилъ еще врагамъ за свою гибель. Затонулъ онъ такъ, что его таранъ выдавался надъ водой, и два японскихъ судна на второй день послѣ боя, входя одинъ за другимъ на чемульпскій рейдъ, наткнулись на него и получили пробоины, такъ что ихъ пришлось

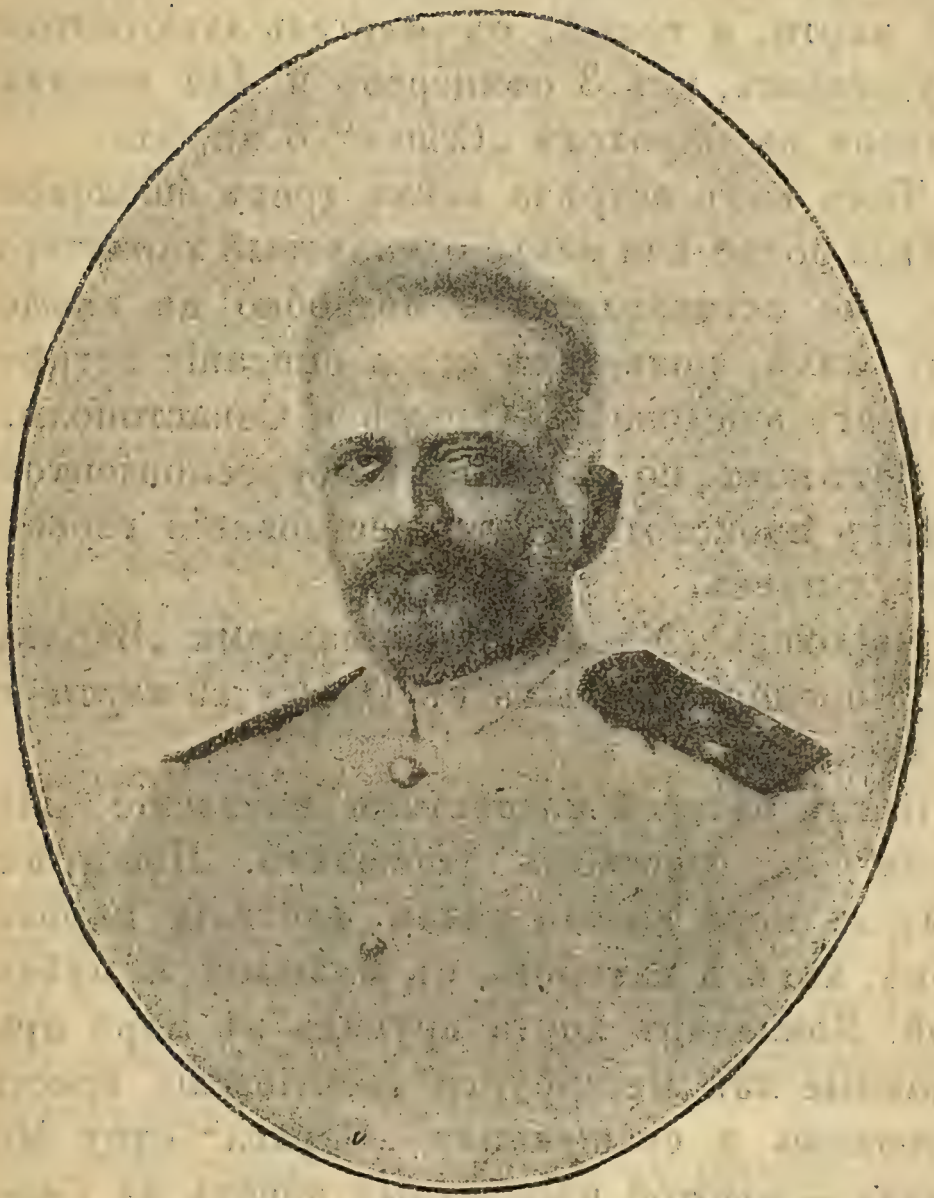
взять на буксиръ и ввести въ докъ, въ Сасебо, для починки.

Возвращеніе героевъ въ Россію превратилось положительно въ тріумфальное шествіе. Во многихъ городахъ, въ Греціи, Турціи, Франціи, Италіи, мимо которыхъ они слѣдовали, имъ устраивались искреннія и горячія овиціи, повсюду ихъ встрѣчали и чествовали, какъ встрѣчаютъ и чествуютъ только побѣдителей. Вся почти заграничная печать, не исключая англійской и американской, отдаетъ должное ихъ изумившей міръ храбрости.

Нужно ли говорить, что всѣ оставшіеся въ живыхъ участники чемульпскаго боя получили соотвѣтствующія ихъ подвигу Высочайшія награды, — офицерскіе чины, врачи и священникъ—ордена и полуторагодовой окладъ жалованья, капитанъ Рудневъ, сверхъ того, и званіе флигель-адъютанта, нижніе чины — знаки отличія военнаго ордена 4-й степени.

Наибольшей торжественностью отличались встрѣча и чествованіе героевъ Чемульпо при вступленіи ихъ на родную землю въ Одессѣ и Севастополѣ.

Команды „Варяга“ и „Корейца“ слѣдовали въ Россію тремя эшелонами: первый эшелонъ, изъ 6 офицеровъ и 268 нижнихъ чиновъ, прибылъ въ Одессу на пароходѣ „Малайя“



Капитанъ 2-го ранга Г. П. Бѣляевъ, командиръ канонерской лодки „Кореецъ“.

19 марта; второй — изъ 20 офицеровъ съ командиромъ „Корейца“, капитаномъ Бѣляевымъ, 21 марта, и третій, съ флигель-адъютантомъ Рудневымъ, изъ 3 офицеровъ и 444 нижнихъ чиновъ на пароходѣ „Crimee“ 6 апрѣля.

Такъ какъ встрѣча всѣхъ трехъ эшелоновъ имѣла болѣе или менѣе одинаковый характеръ, то, не останавливаясь подробно на каждой изъ нихъ, приведемъ здѣсь описаніе встрѣчъ перваго эшелона въ Одессѣ и Севастополѣ.

Вотъ какъ, по описаніямъ корреспондентовъ газетъ происходили эти чествованія героевъ чемульпцевъ.

Пароходъ „Малайя“ съ командами „Варяга“ и „Корейца“ прибылъ въ Одессу 19 марта въ 4 часа дня.

Залпъ батарей возвѣстилъ появленіе „Малайи“ на одесскомъ горизонтѣ. Навстрѣчу имъ въ море вышла цѣлая флотилія пароходовъ, яхтъ и катеровъ съ музыкой и публикой. Командиръ порта вручилъ въ морѣ присланные изъ Петербурга георгіевскіе кресты морякамъ и священнику „Варяга“ отцу Михаилу — золотой наперстный крестъ на Георгіевской лентѣ.

Военныя части и воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній занимаютъ шпалерами разукрашенныя улицы. Весь городъ устремляется

въ портъ. „Малайя“ — у пристани. На берегъ сошелъ старшій офицеръ Степановъ. Первымъ встрѣтилъ его священникъ порта Іона Атаманскій съ образомъ св. Николая чудотворца, привѣтствіемъ и благословеніемъ. Затѣмъ подошелъ командующій войсками баронъ Каульбарсъ и расцѣловалъ Степанова. Несмѣтная толпа народа, войска и матросы всѣхъ пароходовъ порта привѣтствовали Степанова и моряковъ на палубѣ „Малайи“ несмолкаемымъ „ура“. Степановъ возвратился на пароходъ и свелъ команду на берегъ. Каждый матросъ, сходя, прикладывался къ образу святого Николая. Выстроенную на берегу команду командующій войсками привѣтствовалъ рѣчью, напомнилъ о подвигѣ и указалъ, что взоры всей Россіи обращены теперь на героевъ „Варяга“. Получены сотни привѣтственныхъ телеграммъ изъ разныхъ городовъ. Командующій войсками провозгласилъ „ура“, въ честь Государя Императора, благодарилъ за подвигъ, возгласилъ славу героямъ Чемульпо и расцѣловалъ всѣхъ офицеровъ „Варяга“.

Затѣмъ открылось шествіе въ городъ. Впереди шло духовенство порта съ образами, между нимъ священникъ „Варяга“ отецъ Михаилъ съ золотымъ наперстнымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ на груди, за ними хоры

музыкантовъ, генералитетъ, группы офицеровъ подъ руки съ прибывшими товарищами, и команда „Варяга“, окруженные несмѣтною массою народа. По дорогѣ трогательныя сцены: цѣлуютъ моряковъ и поднимаютъ на руки; энтузіазмъ неописуемый. Всѣ прибывшіе моряки поражаютъ молодецкимъ видомъ, хорошо одѣты, въ черныхъ курткахъ. Раненые выздоровѣли по дорогѣ настолько, что находятся въ строю. Раненый въ ногу мичманъ Балкъ шагаетъ бодро, хотя нѣсколько прихрамывая. Серіозно больные оставлены по пути на попеченіе нашихъ консульствъ.

Шествіе изъ порта вступило въ городъ по лѣстницѣ на Николаевскій бульваръ, гдѣ передъ памятникомъ Ришелье, подъ воздвигнутой тріумфальной аркой съ надписью „героямъ Чемульпо“, моряки съ „Варяга“ были встрѣчены высшимъ духовенствомъ, думою и депутаціями отъ городскихъ учрежденій и вѣдомствъ. Владыко Іустинъ преподалъ архипастырское благословеніе, осѣнивъ моряковъ крестомъ. Затѣмъ, въ предшествіи духовенства, направились по бульвару на Думскую площадь къ особо устроенному павильону, гдѣ городской голова поднесъ капитану Степанову хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ съ надписью „Привѣтъ Одессы удивившимъ міръ героямъ

Варяга". Тамъ же былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Съ Думской площади, въ полномъ составѣ, шествіе направилось въ Сабанскія казармы, гдѣ 16 стрѣлковый полкъ приготовилъ матросамъ помѣщеніе и товарищескій обѣдъ. На этомъ пути разставленныя шпалерами войска не могли уже удерживать восторженные порывы провожавшей многотысячной публики, стремившейся хотя бы пожать руку кому-нибудь изъ героевъ. Моряковъ забрасывали цвѣтами, цѣловали, качали и на рукахъ несли вплоть до самыхъ казармъ. Тамъ командующій войсками поднялъ чарку за драгоцѣнное здравіе Государя Императора. Затѣмъ, обратясь къ морякамъ, въ прекрасной рѣчи очертилъ значеніе ихъ подвига для исторіи Россіи. Капитанъ Степановъ благодарилъ командующаго войсками за оказанную имъ высокую честь и пріемъ со стороны военнаго начальства и товарищей по оружію, затѣмъ, обратясь къ градоначальнику, онъ, въ лицѣ его, благодарилъ всю Одессу за сердечную и восторженную встрѣчу. Градоначальникъ сказалъ, что онъ и жители Одессы счастливы, что на ихъ долю выпалъ жребій первыми встрѣчать героевъ „Варяга" на русской землѣ. Послѣ этого скомандовали на молитву, по окончаніи которой, командиръ 16 стрѣлковаго пол-

ка, привѣтствуя своихъ гостей, усадилъ ихъ за столъ. Вечеромъ состоялся парадный спектакль въ городскомъ театрѣ. Приглашены были офицеры и вся команда. На слѣдующій день герои-моряки отправились въ Севастополь.

Въ Севастополѣ. Погода отличная. Еще наканунѣ шелъ снѣгъ и было холодно, а въ день прибытія какъ будто сама природа Крыма рѣшила ласково принять героевъ Чемульпо. Городъ украсился флагами, пристань декорирована флагами. Массы войскъ и народа вышли навстрѣчу. На пристани собралось начальство и интеллигенція. До воротъ агентства стояли шпалерами морскія команды, а на Нахимовской площади сухопутныя войска, съ трудомъ удерживавшія напоръ несмѣтной толпы, жаждавшей поближе увидѣть героевъ. Навстрѣчу пароходу вышелъ въ море миноносецъ съ поднятымъ сигналомъ: „Привѣтъ храбрецамъ“. На паровыхъ катерахъ пошли съ начальствующими лицами многіе морскіе офицеры. Вотъ показался пароходъ, и радостные возгласы стали раздаваться со всѣхъ сторонъ. Пароходъ „Св. Николай“, расцвѣтившись флагами, вошелъ на рейдъ. На броненосцѣ „Ростиславъ“ его приходъ привѣтствовали салютомъ въ семь выстрѣловъ.

Тотчасъ весь черноморскій флотъ поднялъ стеньговые флаги, какъ поднимаютъ ихъ русскія суда, идя въ бой. Герои „Варяга“ мигомъ взлетѣли по вантамъ и громкимъ „ура“ отвѣтили на привѣтъ черноморцевъ. „Ура“, подхваченное на эскадрѣ, разнеслось далеко, привѣтствуя молодцовъ. На подходившемъ пароходѣ стоялъ, въ парадной формѣ, старшій офицеръ „Варяга“ Степановъ на верхнемъ мостикѣ, а вся палуба была покрыта героями съ георгіевскими крестами на груди. Оркестры музыки заиграли маршъ; дружное „ура“ опять огласило берега бухты, и многотысячная толпа, какъ одинъ человѣкъ, съ восторгомъ тѣснясь ближе и ближе, старалась поскорѣе увидѣть тихоокеанскихъ молодцовъ. Пароходъ подошелъ ближе, музыка перестала играть, все стихло. Вице-адмиралъ Скрыдловъ громко привѣтствовалъ дорогихъ гостей и отдѣльно подошедшаго къ борту капитана Степанова, первыми словами котораго были: „Ваше превосходительство, я не забылъ, передъ боемъ и во время его, ваши приказы и наставленія“. Когда были поставлены трапы, адмиралъ вошелъ на пароходъ и крѣпко обнялъ Степанова. Затѣмъ, окруженный многими изъ генералитета и моряковъ, подошелъ къ выстроившейся командѣ,

поцѣловалъ каждаго изъ стоящихъ на правомъ флангѣ офицеровъ и опять поздравилъ молодцовъ съ пріѣздомъ. Обойдя фронтъ, адмиралъ сказалъ морякамъ: „Здорово, родные, поздравляю съ блестящимъ подвигомъ, въ которомъ вы доказали, что русскіе умѣютъ умирать, что вы, какъ истинно русскіе моряки, удивили весь свѣтъ своею беззавѣтною храбростью, защищая честь Россіи и Андреевскаго флага, готовые скорѣе умереть, чѣмъ сдать врагу судно. Я счастливъ привѣтствовать васъ отъ черноморскаго флота и особенно здѣсь въ многострадальномъ Севастополѣ, свидѣтелѣ и хранителѣ славныхъ боевыхъ традицій нашего родного флота. Здѣсь каждый клочекъ земли обагренъ русскою кровью. Здѣсь памятники русскимъ героямъ; у нихъ я вамъ низко кланяюсь отъ всѣхъ черноморцевъ. При этомъ не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ сердечнаго спасибо, какъ бывшій вашъ адмиралъ, за то, что всѣ мои указанія на производившихся у васъ ученіяхъ вы такъ славно примѣнили въ бою. Исполать вамъ! Будьте нашими желанными гостями. „Варягъ“ погибъ, но пямять о вашихъ подвигахъ жива и будетъ жить на многіе годы. Ура!“ Эта теплая рѣчь неоднократно прерывалась дружнымъ „ура“ героевъ и всего народа на берегу.

На пристани, сходившихъ по трапу моряковъ, съ капитаномъ Степановымъ во главѣ, встрѣтилъ городской голова съ хлѣбомъ-солью и отъ имени гражданъ привѣтствовалъ ихъ, вступившихъ на берегъ бухты славнаго города, имя котораго занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи Россіи. Подъ звуки марша всѣ перешли къ памятнику Нахимова; здѣсь былъ отслуженъ торжественный молебенъ, передъ которымъ настоятелемъ адмиралтейскаго собора было сказано прочувствованное слово. Послѣ молебна и окропленія святой водой героевъ, главный командиръ обратился къ командѣ съ слѣдующими словами: „Дорогіе братцы варяжскіе! Вознеся Господу Богу молитву передъ иконой Спасителя, пожалованной въ Бозѣ почивающей Императрицей Александрой Ѳеодоровной защитникамъ Севастополя въ тяжелое время его осады, за дарованіе вамъ возможности совершить такой высокій подвигъ, этой молитвой вы исполнили долгъ христіанина; теперь, какъ вѣрноподданные, всѣми нашими лучшими помыслами пожелаемъ Верховному Вождю нашему, возлюбленному Государю Императору здравія на многіе годы. „Ура“. Звуки народнаго гимна, исполненнаго многими хорами, были покрыты громкимъ „ура“! Затѣмъ главный командиръ передалъ офицерамъ Вы-

сочайшія Грамоты на пожалованные Георгіевскіе кресты, обративъ вниманіе ихъ на настоящую Монаршую милость, которой впервые награждены доктора и механики, наравнѣ со строевыми офицерами. Снявъ съ себя крестъ, адмиралъ надѣлъ его на капитана Степанова, какъ на своего бывшаго подчиненнаго, объяснивъ, что этотъ крестъ онъ съ честью носилъ 27 лѣтъ и отъ души желаетъ Степанову въ будущей карьерѣ такого же счастья, какое выпало ему, адмиралу. Послѣ этого главный командиръ провозгласилъ здравицу за героевъ „Варяга“ и командира ихъ Всеволода Ѳеодоровича Руднева, на что Степановъ отвѣтилъ здравицей же за славнаго героя Дуная, боевого адмирала Николая Иларіоновича, главнаго командира доблестнаго черноморскаго флота. Затѣмъ команды подъ звуки хоровъ музыки прослѣдовали по Екатерининской улицѣ, гдѣ шпалерами стояли команды сухопутнаго севастопольскаго гарнизона. Дойдя до Адмиралтейской башни, герои Чемульпо прошли внизъ на минную пристань, гдѣ ихъ ожидала баржа для доставленія черезъ бухту къ флотскимъ казармамъ. Баржа отвалила, и дружнымъ „ура“ огласилась Лысая гора, покрытая восторженными черноморцами. Герои Чемульпо, выйдя на противоположный берегъ, поднялись вверхъ,

гдѣ у воротъ дивизіоннаго двора были встрѣчены старшимъ флагманомъ, вице-адмираломъ Кригеромъ, который, обнявъ Степанова и офицеровъ, обратился къ своимъ командамъ съ краткою рѣчью, призывая ихъ привѣтствовать гостей героевъ дружнымъ „ура“. Команда „Варяга“, сквозь стоящихъ шпалерами черноморцевъ, прошла въ предназначенныя помѣщенія въ казармахъ 36 экипажа, гдѣ была привѣтливо встрѣчена хозяевами.

Сплошнымъ праздникомъ былъ для героевъ и весь остальной путь вплоть до Петербурга и Кронштадта.

Такъ родина-мать чтитъ своихъ вѣрныхъ сыновъ!

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Т-ва И. Д. Сытина.

ТОРГОВЛЯ

въ Москвѣ,
въ С.-Петербургѣ,
въ Кіевѣ,
въ Одессѣ,
въ Харьковѣ,
въ Екатеринбургѣ,
въ Варшавѣ,
въ Воронежѣ,
въ Ростовѣ н/Д.,
въ Иркутскѣ,
въ Нижегородской
ярмаркѣ.